

ВАЦЛАВ ВАЦЛАВОВИЧ ВОРОВСКИЙ

**В мире мерзости запустения : русская
белогвардейская лига убийц в
Стокгольме**

Москва : Государственное издательство
1919

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

А «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

В. ВОРОВСКИЙ.

**В МИРЕ
МЕРВОСТИ ЗАПУСТЕНИЯ.**

РУССКАЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ
ЛИГА УБИЙЦ В СТОКГОЛЬМЕ.

Цена 3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1919.

Никем из книгопродавцев указанная на книге
цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Taru Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

~~136209~~

394 408

XIII
1 А-16749

„Военная организация для восстановления империи“.

Разоблачение кадётского заговора в Москве и Петрограде окончательно раскрыло глаза тем Маниловым, которые все еще верили в «демократизм» врагов советской власти и думали, что, с падением «большевиков», водворится власть коалиции либеральной и социалистических партий, опирающихся на учредительное собрание и всякие свободы. Теперь мы знаем, на основании подлинных документов, что все враги советской власти—от правых меньшевиков и эс-эров до черносотенцев—дружно сходятся на требования восстановления монархии, а как переходной меры—введения военной диктатуры. Россия, таким образом, должна быть отдана во власть контр-революционной военщины, которая-де приведет ее в христианский вид.

Тем, кто ропщет на советскую власть, особенно уставшим от непрекращающейся гражданской войны и продовольственной разрухи рабочим и крестьянам, не мешает ближе познакомиться с этой контр-революционной военщиной, идущей спасать их из-под ига большевиков. Для такого знакомства хороший материал дает недавно начавшееся в Стокгольме судебное дело против так называемой «лиги убийц», отправившей на тот свет трех русских граждан: Кальве, Левицкого и Ардашева. Мы пользуемся данными предварительного следствия, опубликованными в шведских газетах от 12 и 13 сентября, и материалами нашего бывшего стокгольмского посольства. По примеру этой лиги, состоящей не из каких-то профессиональных убийц и грабителей, а из *самых дюжинных, средних русских офицеров* бывшей

царской армии, можно судить, до какой низости дошла эта свора, изголодавшаяся по почетным и доходным местам, рвущаяся закабалить рабочего и крестьянина, чтобы они, как в доброе старое время, кормили и содержали расфранченных туеядцев.

Во второй половине 1918 года, когда видно стало, что советская власть не падает, а укрепляется, началось повальное бегство из России в Финляндию и Швецию белогвардейского офицерства. Бежали, отчасти, чтобы пробраться на Мурман, отчасти, чтобы вступить в начавшие образовываться в Финляндии и Эстляндии русские добровольческие дружины, а больше всего, чтобы прожигать жизнь в ресторанах и увеселительных заведениях Гельсингфорса и Стокгольма. Финляндское правительство поощряло это паломничество, носилось с ними, как с несчастными жертвами «большевистского террора», снабжало их деньгами, — правда, за счет англичан и французов. Шведское правительство, не получавшее подачек от стран Согласия, было менее расточительно, но и оно встречало несчастные «жертвы» с распростертыми объятиями и позволяло им свободно заниматься политическими интригами, черносотенной пропагандой и вербовкой добровольцев в белогвардейскую армию. Под крылышком шведских властей и выросла «лига убийц», попавшая теперь на скамью подсудимых.

Среди документов, арестованных шведской полицией, имеется «краткий отчет по стокгольмскому отделению военной организации для восстановления империи». Из этого отчета видно, что указанная «военная организация» возникла в Петрограде 20 мая 1918 г. по почину полковника Хаджи-Лаше и ставит своей целью борьбу с большевизмом повсюду, но главным образом в России, и для достижения этой цели не останавливается ни перед какими препятствиями и ни перед какими средствами борьбы, широко применяя белый террор. При своем возникновении организация состояла из: ген.-майора Сметанникова, полковника Бобровича, атамана Некитина, ген. Ширяева, капитана Андрова, сотника Ромина, инженера Эттингера и полковника Магомет-бек Хаджи-Лаше. К августу месяцу группа

разрослась до 5000 членов, однако деятельность ее была сильно затруднена в Петрограде, почему и решили перенести ее за границу. На самом деле только Хаджи-Лаше и Эттингер уехали в Швецию, «подкупив комиссара», как уверяет Эттингер, а что стало с остальными 4998-ю членами—неизвестно. Вероятно, они существовали и продолжали существовать на бумаге.

Приехав в Стокгольм, оба патриота принялись за дело: Хаджи-Лаше начал организовывать для целей лиги шведов, но—увы!—не добился никаких результатов. Эттингер же, воспользовавшись поддельным мандатом от анархистской организации, старался проникнуть в советское посольство. В этом деле ему повезло так же мало, как его приятелю со шведами. Правда, тот «анархист Эттингер», который несколько раз забегал в наше посольство в Стокгольме и предъявил бумажку с печатью какой-то анархистской группы, ограничивался справкой, не привез ли курьер ему письма из России. Может-быть, он морочил своего соумышленника, а может-быть и в самом деле этим путем рассчитывал завести знакомство, но произвел слишком мало располагающее впечатление, и его дальше передней не пускали.

После этих предварительных шагов «военная организация» якобы приступила к «делу»: «приговорила к смерти и казни» четырех опаснейших большевиков: Якова Фейгина, Иосифа Домбровского, Самуила Либермана и Алексея Фокина (Сруля Браутмана). По крайней мере, в секретной шкатулке «лиги убийц» найден этот список и подлинные смертные приговоры. Однако никаких других признаков убийства этих лиц не имеется, никто из обвиняемых ничего об этом не знает, и полиция сильно сомневается в верности этого факта. Вернее всего, это—хлестаковщина, выдуманная для ген. Юденича и прочих высоких покровителей, как доказательство энергичной и полезной деятельности лиги. По существу следует заметить, что среди четырех перечисленных «жертв» нет не только большевиков, но вообще лиц, причастных к политике: Я. Фейгин—смирный коммерсант, действительно существовавший в то время в Стокгольме, но никакого

отношения ни к большевикам ни к советскому посольству не имевший. Что касается остальных трех, то, —если они вообще существовали на свете, —даже имена их нашему посольству неизвестны.

Разделавшись с этой опасной четверкой большевиков, Хаджи и его сообщник принялись за издательство газеты «Эхо России». Жалкая, полуграмотная газетка не завоевала себе симпатий даже черно-Сотенной русской эмиграции и после нескольких номеров приостановилась из-за отсутствия средств. Однако она дала возможность Хаджи-Лаше собрать ту самую группу офицеров, которая сидит теперь на скамье подсудимых. В редакцию газетки потянуло безработное офицерство, как бабочки на свечу. Первыми явились лейтенант Порфененко и поручик Игорь Зайцевский, ища работы. За ними последовал Олег Зайцевский, брат Игоря, и жены обоих Ольга и Валентина, затем поручик Виттенбиндер, авантюрист-американец Реджинальд Лерс лейтенант Щенснович, ген.-майор Гиссер с сыновьями Освальдом и Георгием и дочерью Дагмарой и Анна Потулова. Все эти лица первоначально приходили в поисках за работой или частным образом знакомились с членами организации, затем посвящались в члены лиги, как патриотической организации, а под конец записывались ее членами и попадали в цепкие лапы Хаджи-Лаше. При вступлении они подписывали присягу в роде следующей: «Я прочел и одобрил предложенный мне для подписи текст присяги. Я подписал ее, вполне понимая ответственность за нарушение ее. Всею моею жизнью, всеми моими помышлениями, с радостью вступаю я в организованную по-военному группу и клянусь до последнего издыхания служить отечеству, не думая о вознаграждении или личных преимуществах. Ради восстановления его я отдаю себя в полное распоряжение комитета. Если я вольно или невольно изменю святому делу, я тем самым сам себя осуждаю на смерть». (Текст присяги Хаджи-Лаше.)

Прежде, чем перейти к описанию подвигов патриотической лиги присмотримся к ее деятелям.

Деятели лиги.

Самой крупной фигурой, душой и руководителем всей лиги является *Магомед-бек Хаджи-Лаше*, казачий полковник. Гельсингфорский корреспондент газеты «Таймс» пишет про него: «Хаджи-Лаше появился на сцене в Петрограде в 1917 году, называя себя полковником русской службы, чему можно верить или не верить, и, как мне сообщали, являлся в течение нескольких месяцев агентом одного из подотделов британского отдела про паганды», (Таймс, № 42, 191, от 29 августа с. г.) т.-е. попросту был английским сыщиком. С этого начинает свою работу наш патриот».

Дикарь, азиат, но человек сильной воли, не останавливающийся ни перед чем, он оказывал громадное влияние на дряблых, безвольных офицеров, которым и хочется, и колется. Он внушал им, что действует по приказу какого-то высшего центра, козырял именем какого-то генерала Сметанникова, подпись которого иногда появлялась на сомнительных документах, но самое существование которого довольно фантастично, и широко давал отпущение своему стаду во всех будущих преступлениях. «По русским военным законам, — говорил он, — семь офицеров имеют право вынести смертный приговор и привести его в исполнение». Или: «По шведским законам убийство иностранца иностранцем не подлежит местным судам». Такими бреднями поощрял он патриотический пыл своих соратников, и они были так невежественны и глупы, что принимали всерьез галиматью дикаря.

Хаджи-Лаше всегда нуждался в деньгах... для организации, конечно. Он брал у членов лиги с кого сколько удавалось; все деньги и ценности, отнятые у жертв лиги, отдавались ему. Что с ними делалось, никто из членов не знал, следствием же установлено, что он перевел своей жене в Париж 37.500 франков, да в секретной пачтукке, спрятанной возлюбленной Хаджи, г-жей Ронкоен, у ее сестры, найдено несколько ценных предметов: часов, цепочек, запонок и пр. Хаджи-Лаше еще на следствии имел мужество уверять, что

деньги его не интересуют, что все ценные предметы, взятые у убитых, он бросил в море и т. п. Однако один из его сообщников, поручик Олег Зайцевский, прозрел, сидя в тюрьме, и в своей письменной покаянной признает, что «Хаджи-Лаше, красивыми патриотическими речами звавший нас на помощь отечеству, на самом деле был вор».

Правой рукой Хаджи-Лаше был, повидимому, офицер Биттенбиндер, какой-то проходимец, выгнанный в свое время «за художества» из кадетского корпуса, личность, о которой сами единомышленники высказываются очень двусмысленно. Рядом с ним стоит американец *Лерс*, форменный алкоголик, субъект, которого подсудимая Потулова поймала на краже серебра из квартиры Хаджи-Лаше. К этой же группе особо близких людей следует отнести и упомянутую уже г-жу *Ронконен*, шведку по происхождению, жену бывшего русского консула в Гапаранде. Эта неожиданная русская патриотка открыто заявила перед судом, что она вполне отдавала себе отчет в преступности всего того, что предпринимала организация против большевиков, но она была вместе с тем убеждена, что лига оказала «человечеству» услугу, противодействуя большевикам. Ведное человечество, если оно нуждается в та к и х услугах!

Хорошей парой для этой барыни является ее соотечественник, курьер шведского Красного Креста, *Оссиан Улльгольм*. Этот молодец, тоже ратуя за освобождение русского отечества от ига большевизма, записался в члены лиги убийц и исполнял мелкие поручения. Когда он из темного рассказа понял, что Кальве убит, он «почувствовал некоторое удовлетворение, что хоть кто-нибудь из этих животных (т. е. большевиков) получил заслуженную кару». В пояснение следует прибавить, что г. Улльгольм один из тех «курьеров шведского Красного Креста», которые, катаясь между Россией и Швецией, занимались преступной и позорной спекуляцией и как раз больше всего за время советской власти. Таким образом, его можно упрекнуть, по крайней мере, в неблагодарности.

Список знатных иностранцев был бы не полон, если бы мы не упомянули датского коммерсанта *Вальдемара Ларсена*. Этот Ларсен

дважды ездил курьером Хаджи-Лаше в Гельсингфорс к ген. Юденичу. В первую поездку он съез Юденичу набросок воззвания к русским о помощи армии Юденича, каковое воззвание Хаджи хотел напечатать в своей газете. На это Юденич возразил, что это пахнет попрошайничеством. Тогда Ларсен развил перед ним план захвата денег и ценностей, привезенных в Швецию советскими уполномоченными. На это Юденич якобы ответил, что «экспроприация остается всегда экспроприацией, и я ради этого не пошлю комиссию», но тут же заявил, что если полковнику удастся сделать это, то лучше передать ценности англичанам. Эта моральная щепетильность Юденича очень практична: если русские офицера ограбят советское посольство в Стокгольме, то за это они могут попасть в тюрьму, а если за этим патриотическим подвигом будет стоять английское посольство, то накось, выкуси!

К сожалению, истинно-русский датчанин не участвует на суде: его просто выслали из Швеции. А жаль, он, пожалуй, мог бы, под перекрестным допросом, рассказать подробнее о связи Хаджи с Юденичем. Может-быть, потому его и поторопились выслать?

Далее заслуживает внимания *ген.-майор Гиссер* с семейством. Этот генерал был весной 1918 г., как это ни странно, послан нашим военным комиссариатом в качестве военного агента в Швецию. По прибытии туда он прямо отправился в старое царское посольство. А советское посольство даже не подозревало, что по Стокгольму разгуливает его же собственный военный атташе! Не подозревало оно этого до начала октября прошлого года, когда ген. Гиссер по ош и бке забрел в советское посольство, думая, что попал в бывш. царское консульство. Здесь, считая себя среди друзей, он распоясался и рассказал, как его в Петрограде большевики заподозривали в сношениях с ген. Алексеевым и хотели арестовать, а человеколюбивый начальник главного штаба устроил ему тогда назначение агентом в Стокгольм, чтобы «спасти его» от коварных большевиков. Так ему удалось спастись, а немного погодя выписаться в Швецию и свое потомство. Теперь все они благополучно сидят на скамье подсудимых.

Вся семья—ограниченные, мелочные, озлобленные люди, которые свои личные неудачи и расстройство своего тихого жития отождествляют с гибелью отечества и не останавливаются ни перед чем, чтобы, по крайней мере, «напакоstitь» ненавистным большевикам. Папаша Гиссер, повидимому, мало на что пригодный, ограничивается тем, что ставит свою генеральскую подпись под всякими «смертными приговорами», по большей части уже после убийства человека. Сынки состоят на побегушках у Хаджи, притом не прочь в случае надобности исполнять обязанности палачей (случай с Левицким). Дочка—с «Мурильевским личиком», по выражению шведской газеты—проявила большой талант в заманивании жертвы в притон. Достойные представители старого русского кадрового офицерства!

Более бесцветными являются братья *Зайцевские* с женами. Это типичная белогвардейская офицерская мелюзга, у которой ничего нет за душой, кроме безграничной ненависти к большевикам, лишившим их спокойной военной карьеры, которая определяла, украшала и обеспечивала их жизнь вплоть до гробовой доски. Бессильные приспособиться к новой жизни и работать для нового, «мужицкого», отечества, они предпочитают скитаться по чужим странам, ища, куда приткнуться, метаться между Мурманом и Гельсингфорсом, презираемые англичанами, ненавидимые местным населением, на шею которого они сидят, пока не уткнутся в какой-нибудь захудалый белогвардейский отряд, либо сопьются с круга, либо, как в нашем примере, впутаются в уголовщину. В таком же вкусе и капитан *Щенснович*, хотя он и старше и должен, казалось бы, проявить больше ума и воли.

Последняя пара, это—инженер *Эттингер* и *Анна Потуллова*. Эттингер—юркий человек, певец, преподаватель петроградской консерватории, соратник Хаджи-Лаше еще по Петрограду, играет все время двойственную роль. Секретарь редакции «Эхо», он, несомненно, близок к Хаджи и посвящен во все дела, но как-то ни в одном из преступлений он прямо не замешан, часто вообще отсутствует, уезжает в Мальме. На следствии старается себя обелить и изобразить

бессильной и беспомощной жертвой в руках сильной воли другого. Его пространное «чистосердечное» показание ведется очень ловко и прямо подводит к делаемому им выводу: знал, де, что готовятся преступления, и не принял мер к предупреждению.

Если кто, действительно, производит впечатление беспомощного орудия в руках сильной воли Хаджи, так это *Потулова*. Выйдя из рабочей шведской семьи, она попала на заработки в Финляндию, где вышла замуж за русского офицера Потулова. Во время революции ее муж находился в Торнео, где, вследствие столкновений с солдатским комитетом, покончил самоубийством. Потулова приехала в Стокгольм в конце лета 1918 г. и, через шведских социалистов, к партии которых принадлежал ее брат, попала в наше посольство в Стокгольме. Так как она хотела поступить на курсы стенографии, чтобы иметь потом заработок, то наше посольство помогло ей деньгами, и она благополучно окончила курсы.

Обо всем этом она, повидимому, не рассказала ни на следствии, ни своим друзьям из лиги. В следственном материале говорится только, что она прибыла в Стокгольм в ноябре и поступила в редакцию «Эхо России» машинисткой. Здесь она, очевидно, сразу попада под влияние Эттингера, с которым вступила в связь, и под влияние Хаджи-Лаше. В дальнейшем она играет роль слепого орудия, которое направляют, куда хотят и как хотят. Правда, ею пользуются только для мелочей: телефонные разговоры по-шведски, залог краденых вещей (при чем она в этом случае благоразумно называет не свою фамилию, а девицы Гиссер) и т. п. Есть указание на то, что Хаджи-Лаше подсылал ее в советское посольство, чтобы она поступила туда на должность и шпионила за большевиками. Она, вернувшись с этой экскурсии, заявила, что там места нет. Между тем она на самом деле там и не просила места. Очевидно, чувство порядочности не окончательно погубило в ней со вступлением в лигу грабителей.

Таковы эти люди. Посмотрим на их дела.

Большие планы лиги.

Мы уже видели выше, что Хаджи-Лаше поддерживал через датского купца Вальдемара Ларсена сношения с ген. Юденичем. Из показаний самого Хаджи, данных на предварительном следствии, видно, что он находился в сношениях и с ген. Треповым, от которого получил в два приема 72.000 крон, и с принцем Ольденбургским, который дал ему 15.000 крон и 300.000 рублей (думских). Таким образом ясно, что Хаджи-Лаше пользовался доверием вожаков контр-революции (денег наши черносотенцы так легко не раздают, они ведь больше привыкли получать их) и действовал с их ведома и благословения. Но он понимал прекрасно, что это только пол-дела, что надо заинтересовать «хозяина», т.-е. представителей стращ Согласия.

«Слуги правительства не краснобай»,—говорил когда-то Лассаль, и Хаджи-Лаше с братьей пришлось подойти к союзникам с серьезным и заманчивым предложением. Осенью 1918 г. советское правительство отправило в распоряжение своего стокгольмского посольства значительную сумму денег. Узнать про это было легко, ибо из этого никто не делал тайны. Деньги везли на пассажирском пароходе, где ехало несколько десятков пассажиров, по прибытии в Стокгольм они были помещены в банке, так что и союзные посольства, и лига убийц знали про это, и аппетиты их разгорелись. Не зная точно, сколько и каких ценностей привезено, Хаджи дал волю своей фантазии и решил, что в Стокгольме большевики имеют многие десятки, а то и сотни миллионов, да кроме того золото, платину, царские драгоценности, включая царскую корону, горностаевую мантию, скипетр и пр., одним словом все, что могла вообразить себе бедная фантазия казацкого полковника. И его мечтою стало добратсья до этого клада.

Хаджи и компания решили, что эти ценности хранятся в трех квартирах большевиков и начали слежку. По их словам, 18 надежных людей, приехавших из Финляндии, стерегли эти квартиры и готовы были, по данному приказу, произвести нападение и захватить

ценности и «компрометирующие» документы. Советское посольство своевременно узнало об этом замысле, при чем ему сообщили, что в дело замешана группа шведских офицеров, принимавших деятельное участие в организации эстонского бюро по вербовке белой гвардии для борьбы с советской Россией. Между прочим швед Ульльгольм, принимавший участие в лиге, показал, что, по словам Хаджи-Лаше, в лиге участвует до тысячи шведов, в том числе двадцать офицеров. Хаджи, несомненно, много врал, но указание на участие шведских офицеров подтверждается и приведенными выше данными нашего посольства.

В «кратком отчете», из которого мы уже приводили отдельные места, имеется следующая характерная запись, касающаяся обращения лиги к союзникам за средствами на ограбление советского посольства в Стокгольме: «Лейтенант Порфененко обратился к адъютанту американского военного атташе, лейтенанту Стэнес, которого он знал лично. Это повлекло ряд переговоров между Порфененко и Хаджи-Лаше, с одной стороны, и лейтенантом Стэнесом и банкиром Левинсоном (Левинсоном-Лессингом?) с другой. Стэнес пытался через Левинсона получить требуемую сумму, так как он не рассчитывал добиться официальной поддержки предприятия. Однако, когда дело должно было вырешиться, Левинсон отказался дать деньги и от намерения пришлось отказаться». Далее в этом отчете упоминается, что «в апреле группа вошла в сношения с американским и французским военными атташе, а позднее и с французским морским атташе, и обеспечила себе их поддержку». Очевидно, следствием этого соглашения было и то, что подлинные оправдательные документы к «краткому отчету» хранились, по словам того же отчета, «в несгораемом шкапу военного атташе Северо-американских Соединенных Штатов, полковника Кольвина». Правда, г. Кольвин поспешил напечатать в газетах, что никаких документов по делу Хаджи-Лаше в его шкапу не хранятся и не хранилось и что он никогда не имел дела ни с кем из членов лиги. Кто из двух единомышленников говорит правду, казак или американец, судить трудно. Может

быть, документы и в самом деле хранятся не у г. Кольвина, все же факт сношений и соглашений между чинами американского посольства и бандой убийц и грабителей остается бесспорным.

Переговоры с американским посольством по части добычи средств для нападения на большевистский клад прервались было из-за неожиданного отъезда лейтенанта Стэнеса в Париж. Но лига не оставила дела. Она обратилась к морскому атташе с интересным письмом, которое приводим полностью, несмотря на его размеры:

Стокгольм, Швеция, 27-го декабря 1918 г.—Морскому атташе лейтенанту Э. В. Робинетт, американское посольство, Стокгольм.

«М. Г.—В виду отъезда во Францию военного атташе, лейтенанта Нормана С. Стэнеса, мы хотим настоящим письмом морально и физически оградить себя и наших друзей от всякой ответственности в будущем по отношению к кому то ни было из членов русского посольства (подразумевается старое царское посольство В. В.) или русской колонии в Стокгольме, ибо мы прекрасно понимаем, что не можем рассчитывать на помощь или поддержку с их стороны.

«27-го декабря 1918 г. ко мне явился старший лейтенант русского флота Порфененко, предварительно договорившийся с полковником Магомет-бек Хаджи-Лаше, издателем русской газеты «Эхо России», и сообщил мне в высшей степени интересный и серьезный политический план, который последний из них изложил следующим образом.

«Настоящее положение в России требует немедленной военной поддержки со стороны союзников против большевиков, а так как газеты во Франции, Англии и Америке предприняли поход против вмешательства, то крайне необходимо документами осветить политический характер и незаконный образ действия большевиков. Лишь тогда, когда общественное мнение союзных народов получит фактические доказательства политики большевиков, сможет Россия надеяться на действительную военную помощь против этих политических интриганов и авантюристов. В высшей степени важно, чтобы мы к предстоящей мирной конференции могли представить как можно больше документов, доказывающих злодеяния этих лже-социалистов.

«За последние месяцы Стокгольм был тем центром, в который свозились почти все важные документы большевиков, а также большие ценности в кредитных билетах, золоте, платине, императорских драгоценностях и прочих ценных предметах, принадлежащих государству и частным лицам. Указанное имущество хранится большевиками в трех помещениях в Стокгольме, местонахождение которых мы можем установить. Полковник Магомет-бек Хаджи-Лаше, который перенес от большевиков неслыханные нравственные и физические страдания и является человеком железной воли и энергии и пламенным патриотом, предложил достать все документы. Он готов также принять на себя всю ответственность, хотя бы перед публичным судом. Он имеет свою собственную организацию из храбрых и вполне надежных людей, с которыми он намерен посетить указанные помещения и овладеть деньгами и документами.

«Мы хотим совершенно ясно установить, что документы должны попасть в руки американского посольства или его представителей и быть предъявлены будущей мирной конференции и преданы огласке. Мы хотим, чтобы деньги были употреблены на образование русской белой гвардии для непосредственных действий против большевиков.

«Нам удалось установить, что большевики получили следующие суммы: 22.000.000 рублей, 65.000.000 рублей и 40.000.000 рублей русскими кредитками, 2.000.000 американских долларов, 200.000 фунтов стерлингов и 4.000.000 французских франков.

«Сюда не включены императорские драгоценности и прочие ценные предметы.

«Когда этот план был доверен мне, я счел разумным и целесообразным сообщить все подробности лейтенанту Норману С. Стэнес, который, как истинный друг России, был в состоянии с успехом осуществить его. Я был убежден, что лейтенант Стэнес сможет, путем надлежащего освещения, подчеркнуть значение этого плана американскому послу.

«Я познакомил с лейтенантом Стэнесом полковника Магомет-бек Хаджи-Лаше и лейтенанта Порфененко, и, ознакомившись с подробностями и способом осуществления, мы думали, что сможем провести план, предложенный для исполнения замысла.

«Лейтенант Стэнес сказал нам также, что он сомневается, захочет ли американское правительство поддержать подобную организацию необходимыми денежными средствами, но рассчитывал, что ему удастся побудить некоторые русские партии отдать свои средства для этой цели.

«Для исполнения плана требовалось 25.000 крон для следующих надобностей: для найма квартир, прилегающих к вышеупомянутым помещениям (предварительные переговоры уже начаты); для найма дачи где-нибудь вне Стокгольма, куда свозились бы все деньги и документы, подлежащие конфискации; для найма нужных автомобилей, для покупки оружия, для подкупа разных лиц, имеющих доступ в помещения, на слежку за местонахождением и начинаниями большевиков.

«Лейтенант Стэнес сказал, что он переговорит с г. Левинсоном и попросит у него половину требуемой суммы, так как г. Немировский, известный русский банкир, уже выразил готовность предоставить для этой цели вторую половину. Происходили неоднократные переговоры между лейтенантом Стэнесом, г. Левинсоном и г. Немировским, с одной стороны, и Магомет-бек Хаджи-Лаше, лейтенантом Порфененко и лейтенантом Стэнесом, с другой.

«Неожиданный отъезд лейтенанта Стэнеса испортил дело. Г. Левинсон, человек, старающийся быть на виду, начал искать нравственной поддержки у русского посольства в Стокгольме, т.е. как раз у той группы, к которой мы имели меньше всего доверия. 21-го декабря, после того как полковник Магомет-бек Хаджи-Лаше предъявил ультиматум, г. Левинсон отказался продолжать переговоры, так как он не мог получить нравственной поддержки со стороны русского посольства.

«Мы имеем основание предполагать, что этот отказ имеет двойственное значение и что были пущены в ход определенные влияния, чтобы помешать исполнению этого плана, так как в случае его окончательного успеха обнаружались бы многие вещи, которые теперь скрыты.¹⁾ Получив этот отказ, полковник Магомет-бек Хаджи-Лаше прямо заявил г. Левинсону, что не желает более иметь дела с ним и ему подобными.

«Мы были бы очень благодарны, если бы вы подтвердили нам получение этого письма и вышеуказанных фактов, так как, насколько мы понимаем, дело попало не в надлежащие руки, и мы можем ожидать нападков на нас со стороны некоторых русских партий, которые могут захотеть истолковать этот план в свою пользу.

«Мы не прекращаем наблюдения за всеми действиями и местами пребывания большевиков и готовы осуществить этот план, если получим нравственную поддержку, в которой нам, по нашему мнению, не должны отказать, так как большевики находятся в борьбе с союзниками и признаны вне закона не только американским правительством, но даже и шведским²⁾).

«Большевистская пропаганда подкапывает социальный строй всего мира, и крупные суммы в их руках употребляются на подкуп всех народов.

¹⁾ Группа Хаджи-Лаше находилась во враждебных отношениях к старому — быв. царскому, потом временного правительства посольству. Причина этого — в том, что посольство, частью вследствие своего официального положения (оно было фактически признано шведским правительством, как представительство сибирского правительства), частью вследствие осторожности посла Гулькевича и его ближайших сотрудников, не желавших вступать в рискованные предприятия, старалось отмежевать себя от явно контр-революционных затей белогвардейского офицерства. Как это ни странно, но это посольство, при самой искренней ненависти к большевикам, старалось соблюдать — по крайней мере, по внешности — „оттенки благородства“ по отношению к нашему посольству. Многие члены старого посольства поддерживали с нашей миссией — правда, через третьих лиц — своего рода „дружеские отношения“.

²⁾ Чистейший вздор.

«Потеря полумиллиарда ходовых ценностей и опубликование всех их документов явились бы большим ударом для большевиков, чем даже военная экспедиция, и помогли бы всем странам избежать будущих затруднений.

«Мы можем прибавить, что полковник Магомет-бек Хаджи-Лаше снесся по вышеуказанному делу с шведскими властями и получил сообщение, что в этом отношении ему не следует опасаться каких-либо затруднений, но что Швеция, как нейтральная страна, не может принимать участия в осуществлении плана.

«Известно, что большевики собираются покинуть Стокгольм и уже вступили в переговоры с финляндским правительством о разрешении проезда в Петроград через Финляндию; однако, есть основание думать, что такого разрешения они не получают. Говорили даже, что они должны поехать на специальном пароходе, который высадит их в Петрограде, а если петроградский порт замерз—в Ревеле.

«Если бы это было так, было бы целесообразно конфисковать все, что они везут с собой, и мы думаем, что не будет никакого неудобства, если пароход будет заведен куда-нибудь в Балтийское море.

«В надежде, что вы окажете вышеизложенному полное внимание, ибо каждый день дорог, и что мы получим возможно скорый ответ, пребываем с совершенным почтением: капитан русского авиационного корпуса А. В. Ларский, лейтенант русского флота В. Порфененко, полковник Магомет-бек Хаджи-Лаше».

В следственном материале нет указаний на то, ответил ли им и что именно американский любитель советского имущества. Вернее всего, осторожный американец, впутываясь в разбойное дело, избегал бумажек и предпочитал устное слово, которое, как известно, «яко дым». Но трудно предположить, чтобы факты, указанные в письме, были простой выдумкой. А факты эти говорят за себя, и к тому же весьма красноречиво.

Лицо, первым подписавшее письмо, капитан Ларский по делу не привлекается. Он был в начале следствия выслан из Швеции. Впоследствии он самовольно вернулся, и сейчас отсидживает двухмесячное тюремное наказание за это. В показаниях своих он открещивается от лиги, к которой, по его словам, он не принадлежал, и уверяет, что вообще никакого отношения к ней не имеет.

Относительно интереса к лиге *английского* посольства в «кратком отчете» есть тоже некоторое указание. Какого рода переговоры велись с ним, из дела не видно, но имеется такая запись: «Предложение, сделанное капитаном Джеллери со стороны английского посольства, чтобы Хаджи-Лаше указал, где большевики хранят свои драгоценности, не привело ни к какому результату». Англичане—хитрые, они хотели выпытать у лиги место хранения «миллиардов» и заставить шведское правительство наложить на них арест, но татарин оказался еще хитрее: коса нашла на камень.

Готовившееся на советское посольство нападение не состоялось. Почему?—На этот вопрос нет в деле ясного ответа. «Краткий отчет» говорит, что о нападении пошли слухи по городу, и оно было этим сорвано. Некоторый свет проливает на неудачу упомянутый нами выше гельсингфорский корреспондент газеты «Таймс». По его уверению, Хаджи-Лаше был одновременно и английским, и большевистским сыщиком. Это—вздор, о котором мы скажем ниже, но вот что он пишет в связи с проектом нападения на наше посольство: «Хаджи-Лаше предложил одному из союзных посольств произвести нападение на квартиру Воровского, известного эmissара большевиков в Стокгольме, и захватить компрометирующие документы. К счастью, прежде, чем наши союзники согласились с планом, они посоветовались с одним русским, который разъяснил им, что предложение *не более, как ловушка* со стороны самого Воровского, и что Хаджи-Лаше в разгар своего предприятия будет накрыт полицейским офицером, предупрежденным и ожидающим его, к торжеству большевиков и к несчастью для их врагов»

Это признание очень ценно. Оно подтверждает подлинность письма Ларского и его переговоров с американцами; оно доказывает, что, не боясь союзники ловушки, они не прочь были бы поддержать явный грабёж, сопровождавшийся бы, вероятно, убийством (вспомните из письма Ларского, что деньги нужны *на покупку оружия*). «Русский», которого союзники запросили по поводу проекта Хаджи, повидимому, кто-нибудь из царского посольства, судя по отношению между последним и Хаджи.

Мы уже говорили выше, что наше посольство было предупреждено о заговоре и готовилось ко всяким случайностям. Без поддержки союзников, а это значит, без того условия, при котором шведские власти смотрели бы сквозь пальцы, предприятие было безнадежно, и лиге волей—неволей пришлось поставить на нем крест.

Действительная „работа“ лиги.

Разочаровавшись в возможностях получить «большевистские миллиарды», лига перенесла свою патриотическую деятельность в другую область: она начала ловить отдельных лиц, заподозреваемых в принадлежности к большевизму, и убивать их. Для этой цели Хаджи-Лаше снял дачу в Больстанэс, близ Стокгольма, над самым заливом Норвикен. Первой жертвой был облюбован некто К. Кальве.

Кальве, как выяснилось из допроса, учиненного ему лигистами, — Глеб Варфоломеев, бывший матрос черноморского флота, бежавший за границу в 1908 году. По его рассказам членам советского посольства в Стокгольме, с которыми он имел коммерческие дела одно время, он—крестьянин Смоленской губ., где и сейчас еще живет его отец. Бежал он, по его словам, по делу крестьянского союза, скитался одиннадцать лет за границей, живя то в Италии, то в Бельгии, то во Франции, а последние—годы в Швеции. Он пришел в наше посольство в начале 1918 г. с определенным коммерческим предложением, и в связи с этим делом часто бывал там, но особенно зачастил он летом того года,

когда, вследствие отъезда в Россию ответственных лиц, порядок в посольстве несколько нарушился. Таким образом, лига имела некоторое формальное право заподозреть его в большевизме. На деле же он не только далек от большевизма, но и вообще ничего общего с политикой не имел.

Вот этого-то человека, политическое значение которого равно было нулю, и решили заманить в свою западно белогвардейские сыны отечества. Один из членов лиги, Биттенбиндер, где-то слышал, что Кальве-большевистский шпион, сообщающий в Россию про офицеров, бегущих за границу, после чего-де семьи этих офицеров арестуются и расстреливаются. Этому Биттенбиндеру Хаджи и поручил позвать в Больстанэс Кальве. Тот познакомился с ним под фамилией Блумберга, рассказал, что у него на даче имеется крупная партия сухого молока и просил найти покупателя для отправки товара в Петроград. Перспектива сделки и заработка соблазнила Кальве, и Биттенбиндеру нетрудно было убедить его прокатиться на дачу, где он якобы устраивает пирушку «с дамами». Когда он приехал в Больстанэс, на него напали Порфененко, Биттенбиндер и Лерс, скрутили и связали ему руки, и вызванный ген. Гиссер сделал ему допрос, не содержащий ничего интересного. После этого Хаджи набросил ему на шею петлю и сильно дернул, так что Кальве упал со стула. Тут казачий патриот, по показанию очевидцев, впал в какое-то дикое состояние: он дергал веревку, плясал, и при этом выкрикивал непонятные слова, звучащие приблизительно: «Аннанассани, Бабассани». Даже сами храбрые сообщники Хаджи признаются, что им было жутко.

Труп Кальве был завернут в холст и ночью вынесен и брошен в заранее приготовленную прорубь. Ценное бриллиантовое кольцо, которое Кальве всегда носил на руке, было заложено пропойцей Лерсом за 1125 крон. Биттенбиндер на другой день отправился на квартиру Кальве, произвел обыск и унес все документы. Увы!—первый блин вышел комом: ни ценностей, ни компрометирующих документов у Кальве не оказалось. В «кратком отчете» сказано, что Кальве был убит 6-го апреля в 1025 часов пополудни.

Однако старая мысль захватить «миллиарды» не давала спать предприимчивому казацкому патриоту. Правда, советское посольство еще 30-го января покинуло Стокгольм, но куда же девались корона и горностаи, и драгоценности на «полмиллиарда»? Их не увезли,—об этом Хаджи с братией мог узнать у услужливых шведских властей, досмотревших вещи советского посольства. Следовательно, драгоценности запрятаны в Швеции. Надо найти их хранителя. Подумав над этим, Хаджи-бек сообразил. Уехало посольство, но остался Циммерман. Он, несомненно, и прячет этот новый клад Нибелунгов.

Циммерман—артист, работающий в кинематографических предприятиях, человек ни к каким партиям не принадлежавший, меньше всего большевик. После моего назначения в ноябре 1917 г. полномочным представителем советского правительства в Стокгольме, Циммерман, состоящий со мной в свойстве, согласился помочь мне и взял на себя ведение неполитической части (консульские дела, отправку эмигрантов, беглых военнопленных и пр.). К осени, когда из России приехал необходимый штат служащих, он оставил службу в посольстве. Вот на него-то и направили жадные взоры члены лиги. Однако попытка не удалась; до поры—до времени ее оставили, и начали высматривать новую добычу. Таковой явился Левицкий.

Юрий Леви-Левицкий, бывший сотрудник «Русского Слова», франтоватый, типично-буржуазный журналист, жил в первоклассной дорогой гостинице, бывал в широко живущем обществе, а потому легко было заподозрить, что у него есть деньги. Приехал он в Швецию по советскому паспорту и как советский курьер, что ему сильно повредило. Благодаря этому ему не удалось пробраться в Америку или хотя бы во Францию, как он первоначально намеревался. Он сидел несколько месяцев в Стокгольме, тщетно пытаясь получить пропуск от союзников, добывая себе то украинский, то белогвардейский паспорта. Однако ему не верили.

Левицкий был человек не особенно доверчивый и всегда держался на-чеку, но, видно, правильно, что «где чорт не сможет, туда пошлет бабу». Помогло бандитам одно обстоятельство... Еще в конце 1918 года

Левицкому давала уроки французского языка наша знакомая—Дагмара Гиссер. По ее показаниям, Левицкий был не особенно скромен и позволял себе с нею слишком много вольностей, так что генеральская дочка обиделась и перестала ходить на урок. Между тем лига обратила свое внимание на «большевика» Левицкого, и Хаджи-Лаше велел Дагмаре возобновить уроки, объяснив свое отсутствие болезнью. Она разыграла пьесу, как по нотам. Уроки и знакомство начались опять, при чем Дагмара рассказала своему ученику, что после болезни она поправилась только благодаря тому, что гостила у своей подруги на даче,—очень симпатичной и красивой дамы, к которой она собирается съездить в гости, да только не решается поехать одна. Галантный журналист, конечно, тотчас же предложил поехать с нею, но только если получит приглашение от самой хозяйки. Это было нетрудно, для этого имеется г-жа Ронконен, которая на другой же день пригласила Левицкого по телефону к себе в гости. Поездка была условлена, и в определенный день и час молодые люди встретились, сели в автомобиль и поехали. Но ведь Левицкий—светский человек,—как поедет он с визитом к даме, не захватив, по крайней мере, конфет. И вот они по дороге заезжают в популярную «Японскую кондитерскую».

Хаджи не дремлет. Он следит за каждым шагом Левицкого. Остановка у кондитерской—вещь рискованная: он посылает Потулова посмотреть, не встретил ли там Левицкий кого-нибудь постороннего и в самом деле: Потулова доносит, что Левицкий в кондитерской разговаривает с каким-то знакомым. Начинает работать телефон, и неожиданно на пути Левицкого и Дагмары попадает ее брат и останавливает их сообщением, что хозяйка дачи экстренно поехала в город, и дача заперта. Пришлось повернуть назад.

Однако дня два спустя Дагмара благополучно привезла свою жертву в Больстанэс. Левицкий был схвачен, связан и посажен в верхней комнате для допроса. Это было в воскресенье 18 мая. В тот же вечер Биттенбиндер, надев верхнее платье и пенсне Левицкого, отправился с Георгием Гиссером, сыном генерала, в номер Левицкого в

Гранд-Отеле и вынес оттуда все документы и ценности. Среди бумаг нашлась расписка на нестораемый ящик в банке и ключ к нему. Левицкого заставили подписать доверенность на доступ к ящику, и на другой день Хаджи с Лерсом отправились воровать содержимое. А в их отсутствие произошла такая история: Левицкий попросил караулившего его молодого Гиссера развязать ему руки, так как ему больно, а он-де все равно в их власти. Тот исполнил это. Тогда Левицкий неожиданно вырвался, — а был он, повидимому, порядочной силы, — и бросился бежать вниз, в переднюю. Караулившая там Ронконен навалилась снаружи на дверь, а пока Левицкий ломился в нее, — подоспели оба брата Гиссеры, а за ними — Биттенбиндер, и началась отвратительная бойня. Наконец, Левицкий, долго и успешно отбивавшийся вырванными у Ронконен щипцами от камина, упал и его скрутили. Ему завязали рот платком, а Ронконен принесла пузырек хлороформа, который вылили на платок и умили Левицкого. Когда Хаджи-Лаше вернулся домой и узнал об убийстве Левицкого, он был взбешен: он не мог простить, что не дали ему своими руками задушить жертву. Труп Левицкого продержали до ночи в гардеробном шкапу, а потом вывезли и спустили в море. Добыча, полученная при обыске в комнате Левицкого, оказалась более серьезной, чем у Кальве: правда, компрометирующих документов и на этот раз не оказалось, но зато удалось захватить около 9000 крон и 100.000, а по показанию Г. Гиссера, даже 180.000 рублей. Патриотизм начал оправдывать себя.

После этого успеха опять ожил вопрос о пленении Циммермана. Необходимо было завлечь его в вижду и заставить так или иначе выдать драгоценности. Это поручил Хаджи-Лаше Порфененко, но тот благоразумно уклонился, и дело было передано Биттенбиндеру. Вместе с ним должны были орудовать два иностранных добровольца — датчанин Ларсен и швед Аниан Эрикссон — «сотрудники организации». В шкатулке нашелся даже заготовленный на случай счастливого улова следующий документ: «Сего июня первый секретарь советской канцелярии в Стокгольме, Циммерман был схвачен и в ... часу до-

ставлен сотрудниками Военной Организации для восстановления Империи—шведским подданным Эриксоном и датским подданным Ларсеном на автомобиле в помещение заговорщиков для допроса относительно его деятельности.—Для скрепления сего составлен настоящий протокол.—Стокгольм. июня 1919 г. За председателя

». На это предприятие были потрачены даже наличные деньги. Так, в той же пакутке имеется расписка: «Получил сполна 250 крон, потраченные мною на разные расходы при поездках на автомобиле Воен. Орг. для поимки большевика Циммермана.—А. А. Эриксон». И все-таки дело опять сорвалось на мелочи. Ларсен должен был выманить Циммермана на прогулку (дело было в загородной местности Сальтшебаден, где Ц. жил), и это ему удалось. Молодцы из лиги поджидали с автомобилем: они должны были схватить Циммермана, обмотать ему голову платком, захлороформировать его и увезти в Больстанэс. Но в самый решительный момент оказался неожиданный свидетель: на стоявшей у берега яхте сидел матрос, мирно покуривая трубку и с любопытством рассматривая компанию иностранцев. Пришлось отказаться от предприятия.

Тогда лига попробовала отыгаться на приехавшем незадолго перед тем из Америки проф. Ломоносове. К нему подослали Виттенбиндера. Он нарядился в русскую косоворотку и явился к Ломоносову в качестве представителя группы русских анархистов, прося его посетить их собрание. Ломоносов начал расспрашивать его о местных большевиках, но Виттенбиндер был, повидимому, настолько невежественен, что плохо выдержал экзамен и возбудил подозрение. Ему было предложено прийти на другой день, но когда он пришел, Ломоносов его не принял, а секретарь Ломоносова заявил, что последний не имеет дела с анархистскими организациями.—Сорвалось и это дело.

Тогда очередь дошла до Ардашева. Ардашев—делец по бумажной и издательской части, ничего общего с большевиками не имевший, если не считать того, что подобно всем сообразительным коммерсантам, считал более разумным работать с большевиками, чем ругать

на задворках советскую власть и при случае совать палки в колеса. Как знаток шведского бумажного рынка, он получил командировку от петроградского комиссариата печати и пропаганды для закушки бумаги в Швеции. Он приехал осенью 1918 г. в Стокгольм, откуда вскоре опять поехал в Петроград и успел до закрытия пассажирского пароходного сообщения вернуться в Швецию. В паспорте его было сказано, что он командирован комиссариатом печати и пропаганды; стокгольмская полиция истолковала это в том смысле, что он приехал *вести* пропаганду. На этой почве у него было много затруднений, улаженных благодаря вмешательству его шведских знакомых. Несомненно, как это он показал и на «допросе» у лиги убийц, что ценою услуги большевикам он вырвался из России и не собирался туда возвращаться. Вот этого-то опасного большевика и облюбовали белогвардейские спасители отечества.

Доставить Ардашева предписано было капитану Щенсновичу, который к этому делу привлек жен обоих братьев Зайцевских, представив их Ардашеву, как своих сестер. Таким образом, Ардашев имел перед собой «симпатичную» русскую семью, к которой, повидимому, он отнесся с доверием. По приглашению этих милых соотечественников он и поехал к ним на дачу, где, по примеру предыдущих жертв, был точно так же схвачен, связан и подвергнут допросу. В показаниях своих он подробно рассказал, как и почему попал в Швецию, каковы были его отношения к советскому правительству, при чем старался сугубо подчеркнуть свою лояльность и полную непричастность к большевизму. Однако это его не спасло; он тоже был задушен, завернут в холст и брошен в море. «Ардашев был убит 5 июля в 10,55 час. пополудни», говорится в «кратком отчете». Чтобы проникнуть в квартиру Ардашева и ограбить ее, заговорщики заставили Потулову сообщить по телефону квартирной хозяйке Ардашева, что он просит ее в определенный час свести его ночное белье в загородный ресторан «Хассельбакен», так как он не будет ночевать дома. Воспользовавшись отсутствием хозяйки, они проникли в квартиру и захватили все бумаги. Среди последних опять не оказалось ничего, что могло бы ском-

прометировать большевиков «на предстоящей мирной конференции», — нашлись лишь документы, касающиеся торговой деятельности Ардашева и вполне подтверждающие сказанное им на допросе. Тут же была взята его чековая книжка, и на другой же день патриот-генерал Гиссер получил по двум краденым чекам 17.000 крон. Следствие обнаружило на городской квартире Хаджи-Лаше промокательную бумагу с отпечатком двух подписей Ардашева. Это показало, что подписи были сделаны не Ардашевым в Больстанэс, где он содержался до убийства, а кем-то из лигистов в городе, т.-е. *были подделаны*. На следствии Гиссер заявил, что, меняя чеки, он не посмотрел, кем они были подписаны; повидимому, этому сподвижнику Юденича все-таки стыдно было признаться, что он выкрал из банка путем подлога деньги убитого с его ведома человека.

На убийстве Ардашева лига сломала себе шею. Одинокие иностранцы Кальве и Левицкий не возбудили своим отсутствием ничего внимания. Не то Ардашев, у которого были в Стокгольме и шведские, и русские друзья. Поднят был шум в прессе, и шведской полиции пришлось открыть глаза, при чем оказалось, что она поразительно быстро напала на след лиги и арестовала чуть не в один день всех ее участников. Если бы шведская полиция в своей классовой ненависти к большевизму не закрывала глаз на странное поведение группы русских офицеров, вертевшейся около таинственной виллы в Больстанэс, она давно бы могла иметь за ней наблюдение и, быть-может, предупредила бы убийства. Но таков страх перед социальной революцией имущих классов Запада и охраняющих их покой и имущество властей, что они готовы покровительствовать самым грязным отбросам общества и закрывать глаза на явно преступные действия, если только им кажется, что этим они оградят себя от страшного поветрия большевизма.

Мораль кровавой истории.

Вероятно, многие, ознакомившись с сообщенными нами фактами, скажут: «Из-за чего поднят шум? Затесался в русскую белогвардей-

скую эмиграцию такой-то проходимец, быть-может, даже с уголовным прошлым, обманул доверие патриотически настроенного русского офицерства и, пользуясь этим доверием, проделывал уголовные истории, раскрадывая конфискуемые деньги. При чем тут белогвардейцы, которые сами пострадали от такого субъекта?»

Однако такое рассуждение неверно. Несомненно, что Хаджи-Лаше—вор, но пикантность и общественное значение этого дела—не в нем, а в его соратниках. Группа русских офицеров, от генерала до субальтерна,—не каких-то профессиональных грабителей и мошенников, а рядовых офицеров, которых принято считать порядочными людьми, тех самых офицеров, которые составляли командный состав старой армии и которые теперь наполняют ряды белогвардейских армий,—такая группа офицеров, ставя себе задачи политической борьбы с советской властью, принципиально и на практике признала и осуществляла убийство частных лиц, грабеж их имущества, подлог подписей, получение по подложным подписям денег из банков и т. п. мерзости. Ведь о том, что Хаджи-Лаше—вор, все эти господа узнали и убедились *только в тюрьме*, а между тем они все это делали, одобряли, принимали на себя политическую и нравственную ответственность. Раскаиваться стали они только тогда, когда увидели, что вся их работа шла не на «пользу отечеству», а в карман хитрого коновода. Следовательно, для отечества, т.-е. для контр-революции и они считали возможным проделывать всю эту уголовщину, а это только и важно, ибо только это и представляет политический интерес.

Шведские буржуазные газеты стараются, насколько это возможно, ограничить значение процесса чисто уголовной стороной,—лига убийи и только. Это потому, что политическая сторона дела всей тяжестью обрушивается на шведское правительство, открывшее гостеприимно двери черносотенной эмиграции, распаркивавшееся перед Треповыми, Юденичами и Гурко, смотревшее сквозь пальцы на контр-революционную работу этих господ на шведской территории и само деятельно помогавшее им травлей так наз. большевиков. Эту полити-

ческую сторону дела и косвенную причастность к нему шведских властей подчеркивает, наперекор буржуазной прессе, лево-социалистическая печать. С чисто уголовной стороны постарается, вероятно, подойти к делу и шведский суд, боясь дискредитировать свое правительство и представителей стран Согласия, у которых, как мы видели, рыльце в пушку. Но для всякого беспристрастного человека, хотя бы поверхностно ознакомившегося с обстоятельствами дела, ясно, что вороватость Хаджи-Лаше—лишь привходящий момент, лишь ложка дегтя, портящая вкус бочки меда, но что этот грязно-уголовный привкус ни на йоту не умаляет политического значения процесса, ибо ради политических целей лиги в нее входили белогвардейские офицера и иностранные добровольцы, и никто из них на следствии не скрывал своего искреннего желания отправить в лучший мир возможно больше ненавистных большевиков.

Умнее (хотя, несомненно, и позднее) подошли к делу агенты союзников. Еще до опубликования следственного материала, а следовательно, только на основании частных сведений и, вероятно, материал о союзнического сыска, начали «творить легенду» о том, что Хаджи-Лаше ... большевистский агент. Тот самый гельсингфорский корреспондент «Таймса», на которого мы уже ссылались, пишет в своей корреспонденции следующее: «Почти одновременно (с обращением Хаджи к Юденичу. *В. В.*) была перехвачена в Финляндии корреспонденция, доказывающая, что изобретательный азиат—большевистский агент». Многие из этих писем, как сообщили мне, переданы британскому разведочному бюро в Гельсингфорсе. Одно попало в минувшем феврале в мои руки (интересно знать, каким образом? *В. В.*), каковое привожу в переводе: «Товарищ Сохен. Я писал вам через товарища Садекера и надеюсь, что вы получили мое письмо. Посылаю вам удостоверение, на котором поставьте печать фабрики и фабричного комитета. Пойдите на Гороховую, 2, и постарайтесь увидеть председателя Бокото. Покажите ему это удостоверение и энергично настаивайте, чтобы деньги для этой цели выдали из сумм, имеющихся для надобностей фабрик и заводов. Пошлите деньги курьером в Стокгольм, предста-

вителю народного комиссара, товарищу Воровскому. Это — совет Воровского». Далее в письме говорится о каких-то «машинах», которые уже готовы и надо за них платить, деньги же, ожидаемые «из Индии», придут через несколько месяцев, поэтому важно получить указанные деньги из чрезвычайной комиссии, объяснив там, что 24.000 крон пойдут «фабричной коллегии», а остальные — «первой издательской коллегии». «Михаил Яковлевич», т.-е., повидимому, Эттингер, намеревается ехать с «машинами» в Индию, а потому важно скорее переговорить с Боким и сообщить о результатах в Стокгольм. Письмо подписано «М. Б. Хаджани». К этому корреспондент «Таймса» прибавляет, что в удостоверении, приложенном к письму и «ныне находящемся в министерстве иностранных дел в Лондоне», Хаджи-Лаше дает свое полное имя. «Таким образом доказано, — говорит корреспондент, — что Хаджи-Лаше — агент большевиков для поднятия революционного движения в Индии... Что надо понимать под словом «машины»? — спрашивает он. — Печатные станки или бомбы?»

Это письмо прежде всего доказывает, что живы еще среди доблестных англичан великие заветы Алексинского и тех, кто подделал знаменитые документы по делу о продаже большевиками российского отечества немцам. Грубость подделки этого письма особенно ясна теперь, после опубликования следственного материала, когда вполне доказана животная ненависть Хаджи (независимо от его воровости) к большевикам и большевизму. Английский корреспондент, путивший в печать сфабрикованное письмо, до того, как следствие выяснило личность главаря белогвардейской лиги убийц, просто-напросто сел в лужу. Да и сфабриковано письмо неграмотно: когда это суммы фабричных предприятий хранились в чрезвычайках? Очевидно, для наивного англичанина чрезвычайка — центр всей большевистской зловерной деятельности, и в ней готовятся все коварные планы против добродетельных английских буржуа.

Но это письмо доказывает и более серьезные политические факты: понимание, что дело Хаджи-Лаше есть прежде всего дело политическое, разоблачающее низкий нравственный уровень всего того бело-

гвардейского сброда, который ютится под крылышком союзников и который делает их пособниками и покровителями убийц и грабителей. Ведь сам же корреспондент Таймса» признал, что Хаджи еще с 1917 г., т.-е. до октябрьского переворота уже был английским шпионом. Чтобы смыть с своего правительства это кроваво-грязное пятно, корреспондент «Таймса» и торопится сделать вид, будто Хаджи одновременно служил и большевикам, и союзникам. Первое предположение окончательно устраняют данные следствия, а второе остается фактом, связывающим прочной политически-уголовной цепью союзнические правительства с белогвардейским хулиганьем. Прежде под словом «союзник» в России подразумевали черносотенцев погромщиков, убийц из-за угла. Правительства стран Согласия, приняв по отношению к России звание «союзников», переняли полностью и установившееся содержание этого понятия.

Контр-революционное офицерство, ознакомившись с деятелями стокгольмской лиги убийц, должно, положа руку на сердце, сказать: «Мы—это, мы самые, узнаем себя, как в зеркале: есть среди нас все эти типы—и проходимец Биттенбиндер, изгнанный «за художества» из корпуса, и сентиментальный убийца Щенснович, плачущий при «очной ставке» с труном Ардашева, но сам подписавший «смертный приговор», и «честные» братья Зайцевские, возмущенные тем, что Хаджи их обворовывал, но несколько не возмущавшиеся политикой убийства ни в чем неповинных незащитных людей, и глупый, но злобный генерал Гиссер, старающийся и большевиков душить, и уклониться от ответственности, и его малограмотные, по-волчьи жестокие сынки, избивающие втроем кочергами и щипцами невооруженного человека, и сам Хаджи-Лаше—политический ненавистник большевиков и в то же время вор и убийца, один из тех русских офицеров, которые расхищают казенное имущество, обкрадывают воинские части, когда заведывают хозяйством, а впрочем, патриот и верная опора престолотечества. Все эти люди—не выходцы из тюрем или притонов, а подлинные рядовые, т и п и ч н ы е офицера старой царской армии. И они то заполняют сейчас ряды колчаковцев, денкинцев и пр. банд. Это

та самая белогвардейская, лжепатриотическая шайка, которая на-
двигается на рабоче-крестьянскую Россию, неся с собой восстановле-
ние царской власти, господства помещиков и фабрикантов и разгула
старой привилегированной военщины.

Вдумайтесь, что будет с Россией, что будет с русским рабочим,
крестьянином, городским обывателем, когда барин, в роде генерала
Гиссера, сядет губернатором, Хаджи-Лаше—градопачальником, а все
эти Порфененки, Биттенбиндеры и прочий сброд растекутся по весям и
селам и запустят свои жадные когти в усталое, издерганное тело рус-
ского народа? Подумайте над этим, и вы поймете, почему не надо ща-
дить ни сил, ни жертв для борьбы с этим нашествием варваров, поче-
му надо напрячь все силы и отбросить, уничтожить хищную стаю!

www.books2ebooks.eu